СТИВЕН ПИНКЕР

Завязывайте с метафорами![1]

George Lakoff. Whose Freedom? The Battle Over America's Most Important Idea. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2006.

Лингвистика перенесла в мир множество крупных идей. К ним относится эволюция языков, вдохновившая Дарвина на создание эволюции видов; анализ контрастной дистрибуции звуков, вдохновивший структурализм в литературной теории и антропологии; гипотеза Сепира-Уорфа, согласно которой язык формирует мышление; и теория глубинной структуры и универсальной грамматики Хомского. Даже по этим меркам теория концептуальной метафоры Джорджа Лакоффа представляет собой нечто невероятное. Если Лакофф прав, то его теория может сделать все — от ниспровержения тысячелетий ошибочного мышления в западной интеллектуальной традиции до привода демократа в Белый дом.

Лакофф — выдающийся лингвист из Беркли, который в 1960-х работал вместе с Хомским, но порвал с ним, чтобы основать сначала школу генеративной семантики, а затем школу когнитивной лингвистики, которые по-своему пытаются объяснить язык как отражение мыслительных процессов человека, а не автономную совокупность синтаксических правил. Недавно он взял на себя роль спасителя Демократической партии после чудовищного поражения на выборах 2004 г. Он общался с лидерами и стратегами демократов и выступал на закрытых партсобраниях, а его книга «Не думай о слоне!» стала либеральным талисманом. «Чья свобода?» — это очередной вклад лингвиста, выступающего в роли консультанта по выборам. Она представляет собой ответ на постоянные апелляции консерваторов к «свободе» для оправдания своей программы. И, судя по одобрительным отзывам Тома Дэшла и Роберта Рейха, она также оказала значительное влияние на видных демократов.

Теория Лакоффа восходит к его анализу метафоры в повседневном языке, впервые предложенному в 1980 г. в блестящей книге, написанной

[1] Pinker S. Block That Metaphor! // The New Republic. 2006. September 10. https: // ssl. tnr. com / p / docsub. mhtml? i=20061009&s=pinker100906.

в соавторстве с Марком Джонсоном, под названием «Метафоры, которыми мы живем». Когда мы говорим «я разбил его доводы», или «он не смог защитить свою позицию», или «она нападала на мою теорию», мы обращаемся к невысказанной метафоре, что спор — это война. Точно так же высказывания, наподобие «наш брак на распутье», или «мы прошли вместе долгий путь», или «он решил смыться», метафорически предполагают, что любовь — это поездка, путешествие. Эти метафоры не требуют многословия, но они насыщают наш язык и делают его более понятным (например, «нам нужно сбавить обороты»). Во всех этих случаях люди должны сознавать глубокую эквивалентность между абстрактной идеей и конкретным опытом. Лакофф настаивает — и не без оснований, — что это важный ключ к нашему когнитивному строению.

Но это еще не все. Концептуальная метафора, согласно Лакоффу, показывает, что все мышление основывается на неосознанных физических метафорах, а убеждения определяются метафорами, в которых выражаются идеи. Когнитивная наука также показала, что мышление зависит от эмоций и что рациональность человека ограничена пределами внимания и памяти. Сделанные открытия, с точки зрения Лакоффа, подрывают западный идеал сознательного, универсального и беспристрастного разума, основанный на логике, фактах и соответствии действительности. Философия в этом случае представляет собой не продолжительный спор, скажем, о знании и морали, а последовательность метафор: философия Декарта основывается на метафоре «знать значит видеть», Локка — «разум — это сосуд», Канта — «мораль — строгий отец». И политические идеологии также следует понимать не с точки зрения основополагающих посылок или ценностей, а только с точки зрения соперничающих версий метафоры «общество — это семья». Правые уподобляют общество семье с авторитарным воспитанием, а левые предпочитают семью, которая больше внимания уделяет самому ребенку, сочувствует ему и пытается его понять.

Политические споры, согласно Лакоффу, являются спорами между метафорами. Граждане не рациональны и не уделяют внимания фактам, кроме тех, что вписываются в рамки, которые «закрепляются в нейрональных структурах нашего мозга» при помощи повторения. Например, во время первого срока Джорджа Буша-младшего президент обещал «облегчить» налоговое бремя, представляя налоги как тяжкий груз; тех, кто желает оказать помощь, как героев, а тех, кто им мешает, как злодеев. Демократы по глупости предложили свою версию «облегчения» налогового бремени, согласившись с рамками республиканцев; это выглядело так, словно людей просили не думать о слоне. Вместо этого им следовало представить налоги в новых рамках в виде «членских взносов», необходимых для поддержания сферы услуг и инфраструктуры общества, членами которого они являются.

И теперь в своей новой книге Лакофф рассматривает понятие свободы, упомянутое в последнем инаугурационном обращении Буша сорок девять раз. Американский консерватизм, по его утверждению, обраща-

ется к понятию свободы, укорененному в морали строгого отца, но тем самым он отбрасывает традиционное американское представление о свободе, основанное на прогрессивных ценностях сочувственного воспитания. Между левыми и правыми существует еще один когнитивный раскол: консерваторы мыслят в терминах прямой причинности, когда действия человека имеют прямые последствия (люди толстеют, потому что им не хватает силы воли), а прогрессисты мыслят в терминах системной причинности, согласно которой последствия вызваны сложными социальными, экологическими и экономическими системами (люди толстеют из-за экономической системы, которая позволяет пищевой промышленности противодействовать государственному регулированию).

Многие работы Лакоффа по лингвистике восхитительны, но «Чья свобода?» и вообще его размышления о политике — это «полный привет». Несмотря на то что в книге содержатся мессианские высказывания обо всем — от эпистемологии до политической тактики, — в ней нет никакого справочно-библиографического аппарата (за исключением списка рекомендованной литературы) и не цитируются работы по политической науке или экономике, ограничиваясь только лингвистикой. Его использование когнитивной нейронауки выходит за рамки всякого консенсуса в этой области, а его анализ политических идеологий искажается собственными политическими пристрастиями и остается ограниченным из-за пренебрежительного отношения к работам других политических мыслителей. И карикатурное описание Лакоффом прогрессистов как добрых умников, а консерваторов как злых дураков, несостоятельно как по интеллектуальным, так и по тактическим причинам.

Начнем с когнитивной науки. Как отмечали многие скептические коллеги Лакоффа, вездесущность метафоры в языке не означает, что все мышление конкретно. Люди не могут использовать метафору в рассуждениях, если они не имеют более глубокого понимания того, какие аспекты метафоры следует принимать всерьез, а какие — игнорировать. В рассуждениях о романе как о поездке / путешествии обычно имеется в виду общий пункт назначения или ухабистые отрезки пути, но вопрос о том, было ли у человека время, чтобы собрать чемоданы, или будет ли на следующей заправке чистый туалет, легко может выбить из колеи. Мышление не может вестись напрямую в метафорах. Оно должно использовать более общие вещи, которые содержат в себе абстрактные понятия, общие для метафоры и ее предмета, — движение к общей цели в случае с путешествием и романом, конфликт в случае спора и войны, — отбрасывая все второстепенное.

Кроме того, многие метафоры не всегда остаются метафорами в собственном смысле слова. Они могли быть живы в умах первых изобретателей, которым необходимо было придать некую звучность при выражении новой идеи (вроде «нападок» для агрессивной критики). Но впоследствии они могут превратиться в простые идиомы. Именно поэтому мы слышим множество мертвых метафор, вроде «приходит в голову»

(которой большинство людей перестало бы пользоваться, зная, что речь идет о выходе гноя из прыщика), смешанных метафор («не плюй в колодец — вылетит, не поймаешь»), «голдвинизмов» («устный договор не стоит бумаги, на которой он написан») и фигуративных употреблений слова «буквально», как в выступлении защитника Никсона Баруха Кроффа во время Уотергейтского процесса: «Американская пресса буквально кастрировала президента». Лабораторные эксперименты подтверждают, что люди не задумываются об образе, лежащем в основе знакомой метафоры, и вспоминают о нем, только сталкиваясь с новой.

Обращение Лакоффа с наукой о мозге вызывает еще большие сомнения. Действительно, «рамки, которые определяют здравый смысл, физически находятся в мозгу», но только в том смысле, что каждая наша мысль — прочная или мимолетная, рациональная или иррациональная — физически находится в мозгу. Представление о том, что рамки, «физически закрепленные» в мозгу, особенно коварны или с трудом поддаются изменению, ни на чем не основано. Когнитивная психология также не доказала, что люди усваивают рамки при помощи повторения. Напротив, информация сохраняется, когда она соответствует более общему пониманию человеком предмета. Это не значит, что люди придерживаются одной рамки, которая повсюду должна выявляться когнитивной лингвистикой, так как люди могут легко переключаться между множеством рамок, которые становятся доступными благодаря языку. Когда Бекки через всю комнату зовет Лиз, наблюдатель может описать произошедшее как оказание воздействия на Лиз, создание сообщения, издание шума, отправку сообщения через комнату или просто определенное движение мускулов Бекки.

В результате люди могут оценивать свои метафоры. В повседневном разговоре они могут привлекать к ним внимание: например, деконструкция метафоры «время — это пространство» в афроамериканской остроте «твоя мать настолько тупа, что ставит линейку рядом с кроватью, чтобы видеть, сколько она проспала». И в науке исследователи тщательно изучают и спорят о том, насколько точно данная метафора (тепло как флюид, атом как солнечная система, ген как закодированное сообщение) передает причинную структуру мира.

Наконец, даже если сознание одного человека определяется рамками и иными границами рациональности, это не значит, что мы не можем рассчитывать на некие плоды совместного мышления, то есть коллективного сознания людей, воплощенного в институтах, вроде истории, журналистики и науки, которые создавались как раз для преодоления таких ограничений при помощи открытых дебатов и проверки гипотез данными. Все это отвергается когнитивным релятивизмом Лакоффа, в котором математика, естественные науки и философия оказываются конкурсами красоты между соперничающими рамками, а не попытками описания природы реальности.

Это делает несостоятельными и его советы на политической арене. Лакофф предлагает прогрессистам не разговаривать с консерваторами

на их языке, не апеллировать к истине и не обращать внимания на опросы общественного мнения. Вместо этого они должны попытаться закрепить новые рамки и метафоры в умах избирателей. Он пишет, что здесь не о чем беспокоиться — это не манипуляции или пропаганда, но составляющая «более высокой рациональности», которой когнитивная наука заменяет старомодную, основанную на универсальном разуме.

Но совет Лакоффа не проходит проверки смехом. Можно представить, какую реакцию вызовет политик, если он, воспользовавшись оруэлловским советом Лакоффа, назовет налоги «членскими взносами». Конечно, не обязательно знать метафору «облегчения налогового бремени», чтобы считать налоги не самой приятной вещью; такое ощущение существует с тех пор как появились налоги. К тому же «налоги» и «членские взносы» — это не просто два способа говорить об одном и том же. Если вы решите не платить взносы, организация перестанет оказывать вам свои услуги. Но если вы решите не платить налоги, вооруженные люди посадят вас в тюрьму. И даже если налоги похожи на членские взносы, то разве — при прочих равных — меньшие взносы не лучше б*о*льших? И почему вообще человек должен ощущать потребность в защите самой идеи подоходного налога? Но разве кто-нибудь, если не считать кучки фанатов Айн Рэнд, предлагает его отменить?

Отстаивая свою теорию избирателей-идиотов, Лакофф пишет, что люди не понимают, что им на самом деле выгоднее иметь высокие налоги, потому что все сбережения от сокращения федеральных налогов будут съедены ростом местных налогов и частных услуг. Но если бы это было так, то уставшему от бюрократии населению пришлось бы доказывать это по старинке — рассуждениями, подкрепленными цифрами. И именно этот тип анализа отвергает Лакофф.

Теперь рассмотрим метафору «нация — это семья». Вспомним, что, с точки зрения Лакоффа, консерваторы думают о строгом отце, а прогрессисты — о понимающем воспитании... Да, здесь Лакофф сталкивается с небольшой проблемой. Метафоры нашего языка предполагают, что заботливым родителем должна быть мать, начиная с «питания», которое в английском языке имеет тот же корень, что и «кормление грудью». Вспомните о различиях между «материнской» и «отеческой» заботой! Ценностью, почитаемой нами сразу вслед за яблочным пирогом, является материнство, а не «родительство», и словари перечисляют «заботу» как одно из «материнских», а не «родительских» качеств, не говоря уже о «патернализме», который означает нечто совершенно иное. Но было бы странно, если бы прогрессисты поддержали стереотип, согласно которому женщины лучше способны воспитывать детей, чем мужчины, даже если это согласуется с логикой «метафоры, которой мы живем» у Лакоффа. Так что политкорректность побивает лингвистику, и строгому отцу противопоставляется гермафродитный «сочувствующий родитель».

Теория Лакоффа призвана объяснить подлинную загадку: почему множество различных позиций объединяется вокруг левой и правой идеоло-

гий? Если человек выступает за свободную экономику, можно быть уверенным, что он также поддержит судебные ограничения, жесткое наказание для преступников и сильную армию и будет против затратных программ социального обеспечения, сексуальной свободы и шокирующего искусства. И наоборот, если человек выступает за защиту окружающей среды, то, скорее всего, он поддержит право на аборт, однополые браки и налоги на богатых. На первый взгляд, между этими позициями нет ничего общего. Лакофф утверждает, что эти две группы связаны с соперничающими метафорами семьи — строгим отцом, требующим персональной ответственности от своих капризных детей и наказывающий их, когда они ведут себя плохо, и сочувствующим родителем, выказывающим внимание и делающим акцент на взаимной зависимости.

Лакофф умалчивает о том, что многие бились над этим вопросом и до него, по крайней мере, со времен Гоббса, Руссо, Берка и Годвина. В соответствии со стандартным современным анализом, правые считаются носителями трагического мировоззрения, в котором человеку всегда не хватает знания, мудрости и добродетели, а левые — носителями утопического мировоззрения, в котором человек изначально невинен, но его портят плохие социальные институты и его можно исправить путем реформирования этих институтов. Так, правые близки к рыночной экономике, потому что люди всегда будут активнее работать для себя и своих семей, чем для чего-то, называемого «обществом», и потому что ни один плановик не обладает достаточной мудростью, осведомленностью и незаинтересованностью, чтобы управлять экономикой сверху донизу. Сильная оборона и жесткое уголовное законодательство необходимы именно потому, что у людей всегда будет соблазн силой заполучить желаемое, и только перспектива неотвратимого наказания делает завоевание и преступление невыгодным. И поскольку всегда существует угроза скатывания в варварство, социальные традиции в действующем обществе, несмотря на недостатки неизменной человеческой природы, должны считаться проверенными временем методами, применимыми сегодня так же, как и тогда, когда они были созданы, даже если невозможно предложить разумное объяснение их существования.

Левые, напротив, скорее придерживаются кредо Джорджа Бернарда Шоу (и Роберта Кеннеди) «некоторые люди видят вещи такими, какие они есть, и спрашивают "почему?", я мечтаю о вещах, которых никогда не было и спрашиваю "почему бы и нет?"». Психологические недостатки возникают под воздействием наших социальных механизмов, которые должны тщательно исследоваться, морально оцениваться и постоянно улучшаться. Желаемых результатов в экономике, социальных системах и международных отношениях невозможно достичь без приложения сознательных усилий.

Этот просвещенческий фрейминг имеет естественное соответствие в метафоре нации как семьи у Лакоффа, потому что различные стили воспитания проистекают из предположения, что дети являются благородными дикарями или противными, жестокими и ограниченными. Каждый

заботливый родитель стремится сбалансировать дисциплину и сочувствие, и, возможно, диалектика между этими двумя крайностями может служить ментальной моделью, стоящей за дебатами левых и правых о благосостоянии, преступности и сексуальности. Менее ясно, как такая метафора будет иметь дело с экономикой, поскольку члены семьи не вступают друг с другом в деловые отношения, и с обороной, поскольку, за исключением Монтекки и Капулетти, большинство семей не ведет войн с другими семьями. И ее невозможно примирить с идеей демократии, в которой граждане соглашаются, чтобы ими правили представители, а не сидят на шее у своих родителей. Но можно представить, что измерение сочувствия / дисциплины способно прояснить нашу политическую психологию.

Но концептуальному анализу, предлагаемому Лакоффом, нет до этого дела. Его сочувствующие родители представляют собой не терпимый полюс континуума, а идеальную точку равновесия, устанавливающую «четкие, но разумные пределы», «авторитетные, но не авторитарные». С другой стороны, его строгий отец выполняет рекомендации Льюиса Кэрролла: «Разговаривайте со своим ребенком грубо и бейте его, когда он чихает». Согласно Лакоффу, идеальный родитель в консервативном мировоззрении любит и заботится только о тех детях, которые «оправдывают возложенные на них надежды», и считает «выражение чувств важным либо в качестве награды за повиновение, либо в качестве средства предотвращения отчуждения через демонстрацию любви, несмотря на строгое наказание». Лакофф не приводит никаких свидетельств из лингвистики или опросов в подтверждение того, что этот уродец служит прототипом отцовства в представлениях о семье рядовых американцев.

Такая подтасовка фактов типична для книги Лакоффа. Будто бы предлагая академический анализ политической мысли, Лакофф не может удержаться от того, чтобы не пририсовать к портрету консерватора рожки чертика, а к портрету прогрессиста — нимб. И это лучше всего видно в его утверждении, что консерваторы мыслят в терминах прямой, а не системной причинности. Лакоффу, по-видимому, не известно, что консерваторы веками выдвигали точно такое же обвинение против прогрессистов.

Существование свободной экономики — от Адама Смита до современных либертарианцев — оправдывается системной выгодой, связанной с рынком (помните метафору «невидимой руки»?). Лакофф явно не понимает своих врагов, постоянно приписывая им веру в то, что капитализм представляет собой систему вынесения моральных оценок, которая должна вознаграждать прилежных процветанием и наказывать ленивых бедностью. На самом деле свободные рынки основываются на идее о том, что цены служат источником информации о спросе и предложении, которая способна быстро распространяться через огромную децентрализованную сеть покупателей и продавцов, создавая распределенное знание, позволяющее распределять ресурсы более эффективно, чем путем центрального планирования. Каким бы ни было в результате распределение богатства,

оно представляет собой незапланированный побочный продукт, который в некоторых концепциях не имеет никакого отношения к морали. И оно явно не имеет ничего общего с моральной системой воздаяния по заслугам, как полагает Лакофф — заметим — в духе прямой причинности.

Точно так же культурные консерваторы от Берка до наших дней кричат о системной выгоде от культурных традиций, придающих нашей социальной жизни стабильность и благопристойность. Показательным современным примером служит теория сокращения преступности путем быстрой «замены разбитых окон». И обе группы консерваторов радостно указывают на прямые средства решения социальных проблем, предлагаемые прогрессистами (программы «войны против бедности», строгие стандарты защиты окружающей среды, попытки преодоления неравенства в образовании), и на их непредвиденные системные последствия, вроде неверных стимулов и распространения бюрократизма. Но это не значит, что позиции консерваторов неприступны. В то же время нужно невероятное невежество (или нахальство), чтобы, как Лакофф, утверждать, что только прогрессисты, вроде него, способны понять различие между системной и прямой причинностью.

Рассматривая понятие самой свободы, Лакофф вновь не уделяет большого внимания использованию наработок предшественников. Существует два вида свободы. Негативная свобода («свобода от») — право людей действовать так, как им нравится, без принуждения со стороны других. Очевидно, что здесь не обойтись без ограничений — «ваша свобода махать кулаками заканчивается у кончика моего носа». Не менее очевидно, что свободу иногда следует оценивать вместе с другими социальными благами, вроде экономического равенства, так как даже в идеально честном и свободном обществе одни могут становиться богаче других благодаря таланту, усердию или удаче.

Позитивная свобода («свобода для») — это право людей на условия, которые позволяют им действовать так, как им нравится, например, пища, здоровье и образование. Это понятие куда более проблематично, чем негативная свобода, потому что человеческие желания бесконечны и потому что многое из того, что желают люди, может быть удовлетворено только за счет усилий других людей. На протяжении большей части человеческой истории идеи, что люди имеют равное право на оплачиваемый отпуск, центральное отопление и среднее образование, казались немыслимыми. (И как насчет кондиционирования воздуха, ортодонтии или высокоскоростного доступа в Интернет?) Мое желание иметь вылеченные зубы посягает на свободу моего дантиста сидеть дома и читать газету. Поэтому позитивная свобода требует согласия в обществе при данном уровне богатства относительно базовых условий и предполагает экономическую договоренность, которая стимулирует предоставление блага его получателям без принуждения. Именно поэтому многие политические мыслители (особенно Исайя Берлин) с подозрением относились к самой этой идее.

Поскольку свобода должна оцениваться вместе с другими социальными благами (вроде экономического равенства и социальной сплоченности), политические системы могут выстраиваться в соответствии с тем, как они определяют наилучший компромисс — от анархизма и либертарианства до социализма и тоталитаризма. Как бы то ни было, в Америке тяга к либертарианству сильнее, чем в других современных демократиях. Это восходит еще к отцам-основателям, которые были одержимы ограничением власти правительства и не особенно заботились о жизни низших социально-экономических страт.

Это возвращает нас к апелляциям Буша к свободе. Подозреваю, что поиски общей логики, лежащей в основе президентской коалиции христианских фундаменталистов, культурных консерваторов, сторонников вмешательства за рубежом и экономических либертарианцев, так же бессмысленны, как и попытки выявить общий знаменатель у двух Джорджей — Макговерна и Уолласа — в Демократической партии 1960-х — начала 1970-х гг. И смешно считать Буша строгим философом или знатоком языка. Но в его риторике свободы можно выделить определенные темы.

Буш сколотил себе капитал на свободе двумя способами. Он сохранил идею о том, что республиканцы являются бо́льшими сторонниками экономической свободы, чем демократы, и выступил против зарубежных движений с открыто тоталитарной идеологией. И это все еще оставляет его противникам множество возможностей для критики, вроде его лицемерного протекционизма и увеличения правительства и его заблуждений насчет того, что арабским обществам без труда можно привить либеральную демократию. Но его обращение к «свободе» внешне последовательно и потому встречает (или не встречает) живой отклик у многих избирателей.

О концепции Лакоффа этого сказать нельзя. «То, что я называю прогрессивной свободой, — пишет он, — это просто свобода в американской традиции, это понимание свободы, с которым я рос и которое всегда любил в моей стране». Но нет никаких оснований полагать, что предпочтения Лакоффа и американская традиция тождественны. В его понимании свобода остается чистой и позитивной — и не связанной с какими-либо проблемами. Она заключается в добавлении слов «свобода для» перед каждым пунктом в перечне желаний сторонника левых из Беркли: свобода жить в стране с «положительной дискриминацией», «этичным бизнесом», речевыми кодами, не слишком большим числом богачей и вознаграждением в соответствии с вкладом в общество. Этот перечень простирается от очень узкого — свобода есть «пищу без пестицидов, гормонов, антибиотиков, генетически-модифицированных ингредиентов, здоровую и незагрязненную» — до самого общего — «свободы жить в стране и обществе, где правят традиционные прогрессивные ценности сочувствия и ответственности».

«Дайте мне прогрессивную проблему, — хвастается Лакофф, — и я скажу вам, как она связана с вопросом свободы», не обращая внимания на то, что он только что лишил концепцию свободы всякого содержания. На самом деле вред оказывается еще большим, потому что многие «свободы» Лакоф-

фа — это требования, чтобы общество приняло его видение пользы и блага (вплоть до ингредиентов пищи), и здесь они становятся неотличимыми от тоталитаризма. Как можно обеспечить «вознаграждение в соответствии с вкладом в общество»? Комиссар решит, что оперный певец заслуживает большего, чем исполнитель кантри, или что продавец свинины должен получать больше, чем продавец тирамису? И его свобода не страдать от употребления «вредного языка» — это просто еще одно название безграничной цензуры в политической речи. Несомненно, рабовладельцы считали речи аболиционистов «вредными».

Быть может, со времен «Обновления Америки» Райха не выходило манифеста, пронизанного такой верой в возможность решения проблем страны с безукоризненностью морального видения 1960-х. «Чья свобода?» не учитывает ни одного эмпирического урока прошлых десятилетий, вроде экономической и гуманитарной катастрофы плановых экономик или неизбежного провала программ социального страхования, которые пренебрегают демографической арифметикой. Лакофф презирает идею о том, что социальная политика требует осмысления с точки зрения пользы. Его политика в вопросе терроризма — «мы не защитим свои свободы, отказавшись от них». Его ответ на загрязнение окружающей среды — постоянное повторение тезиса о том, что «у вас нет морального права загрязнять окружающую среду». Не обязательно быть республиканцем, чтобы понять, что это пустая болтовня. Большинство из нас готово отказаться от свободы проносить чемоданы в самолеты и, как выразился прогрессивный экономист Роберт Франк, намекая на затраты на очистительное оборудование и сооружения, «существует оптимальный объем загрязнения окружающей среды, как существует оптимальное количество грязи у вас дома».

Как насчет консервативной концепции свободы? Тут мультяшный злодей на время перестает лупить своих детей, чтобы объясниться с нами. По словам Лакоффа, консервативная концепция свободы включает «свободу охотиться, в том числе на вид, находящейся под угрозой исчезновения». Признается необходимость «свободной прессы, потому что бизнес зависит от множества источников точной информации». Религиозная свобода означает «свободу... прочесть десять заповедей на стене здания суда». Консерваторы черпают свою мораль из строгого повиновения своим протестантским священникам, и эта мораль включает веру, что «преследование личных интересов морально», что аборты должны быть запрещены, потому что женщина, забеременевшая вне брака, поступила безнравственно и должна быть наказана рождением ребенка и что каждый «бедный беден именно потому, что ему не хватило дисциплины использовать свободный рынок, чтобы стать преуспевающим», включая «людей, которые обеднели из-за несчастья, так как если бы они были достаточно дисциплинированными, у них было бы все в порядке, и винить во всем они должны только себя».

Проблема в том, что такие ошибочные представления вредны и в интеллектуальном, и тактическом отношении и они не принесут пользы потен-

циальным читателям этой книги. Все левые союзники Лакоффа, которые считают своих противников такими дураками, какими он их описывает, будут жестоко разочарованы при встрече с молодым республиканцем. Книга Лакоффа льет воду на мельницу его противников справа, которые могут ссылаться на его выдумки как на доказательство изолированности и непонимания либералов. А колеблющихся, на которых он на самом деле хочет повлиять, оттолкнут его непрестанное самовосхваление, его явная снисходительность и его бесстыдная карикатуризация убеждений, которым они могут хоть немного симпатизировать.

Хуже всего, что, очерчивая такую узкую идеологическую область, как «прогрессизм», Лакофф сдает обширные территории противнику. Если вы считаете, что недавняя история научила нас тому, что ортодоксальный либерализм 1960-х не работает, если вы считаете, что свободные рынки и свобода торговли приносят экономическую выгоду (хотя и соглашаетесь, что они имеют побочные последствия, которые необходимо уменьшать), если вы считаете, что демократическое правление требует нахождения оптимального баланса в вопросах, наподобие загрязнения окружающей среды, терроризма, преступности, налогов и благосостояния, то вы — «консерватор». Удивительно, что республиканцы еще не вручили Лакоффу орден за заслуги перед ними.

Нынешнюю администрацию есть за что критиковать. Коррумпированное, лживое, некомпетентное, автократичное, безответственное, враждебное к науке и патологически близорукое правительство Буша вызывает недовольство даже у многих консерваторов. Но неясно, какую пользу можно извлечь из анализа этих пороков как желательных результатов некой последовательной политической философии, если в конечном в итоге нам приходится иметь дело с клоунами, описанными Лакоффом. И явно не будет никакой пользы, если демократы назовут себя партией, которая в принципе любит адвокатов, налоги и правительственное регулирование и которая не верит в свободные рынки или индивидуальную дисциплину. Вера Лакоффа в способность эвфемизма сделать такие положения приемлемыми для американских избирателей не подкрепляется достижениями нынешней когнитивной науки или нейронауки. Я бы не советовал политикам отказываться от традиционного политического разума и логики ради «более высокой рациональности» Лакоффа.

«По последним опросам, — сказал философ Джей Лено на прошлой неделе, — рейтинг Буша упал на три процента. На самом деле он настолько непопулярен, что демократам придется серьезно постараться, чтобы проиграть эти выборы». Но если они всерьез примут идеи Джорджа Лакоффа, то вполне смогут преуспеть в этом деле.

Перевод с английского Артема Смирнова